

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. Мочульский. Духовный путь Гоголя. УМСА-Press, Paris, 1934.

Книга Мочульского представляет собою совершенно новое исследование о Гоголе, рассматривающее с особой точки зрения трагедию его жизни. И. Аксаков сказал о Гоголе: «Жизнь его представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой останется долго неразгаданным». Мочульский дает много для раскрытия этого смысла, дает новый материал и совершенно новое освещение проблемы. Книга написана с редким чувством меры, сжатю, сильно и с большим проникновением в основные трагические конфликты этой великой души.

Автор рассматривает два основных конфликта, определяющих личную трагедию Гоголя. С точки зрения этих конфликтов разветвляется вся его жизнь и выступает его изумительный характер, ибо эти конфликты составляют основную тему его жизни. Первый конфликт присущ каждому художественному гению в той или иной степени. Это конфликт «гения и злодѣйства». Пушкин ставит эту проблему в «Моцартѣ и Сальери». Как возможно, что гений дается не въ награду труда и подвига, а напротив «осѣняет голову безумца, гуляки празднаго»? Какъ можетъ, какъ смѣетъ очѣ быть самымъ ничтожнымъ «среди дѣтей ничтожныхъ міра»? Пушкину представляется все-таки, что есть извѣстный предѣлъ такого несоотвѣстiя между высокой художественной одаренностью и нравственнымъ паденiемъ. Предѣлъ состоитъ въ томъ, что «гений и злодѣйство» несовмѣстны. Гоголь пережилъ этотъ трагизмъ съ исключительной силой. Онъ пишетъ о себѣ: «Во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей.. и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человекѣ.. Я сталъ надѣлать своихъ героевъ сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью». Совершенно ясно, что самъ Гоголь имѣлъ въ себѣ и Чичикова, и Хлестакова, и Манилова. И что самое ужасное, въ немъ была моральная и даже мистическая хлестаковщина. Онъ пишетъ о своей «Перепискѣ съ Друзьями»: «Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духа заглянуть въ нее. Право, есть во мнѣ что-то хлестаковское». Гоголя трудно было любить, до такой степени онъ былъ иногда невыносимъ въ своей риторикѣ, въ своихъ моральныхъ поученiяхъ, въ своей пророческой позѣ по отношенію къ самымъ близкимъ друзьямъ и роднымъ. С. Т.

Аксаковъ пишетъ: «Я не знаю, любилъ ли кто Гоголя. Я думаю нѣтъ, да это и невозможно. Гоголь для меня не человѣкъ». И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь обладалъ безошибочнымъ моральнымъ сужденіемъ Смѣшное, отвратительное, пошлое и низкое онъ чувствовалъ, какъ никто; чувствовалъ и въ себѣ. Гений и пошлость, гений и «мертвая душа» тоже вѣдь «двѣ вещи несомѣстныя», а Гоголь часто чувствовалъ холодъ и мертвенность своей души.

Онъ преодолевалъ въ себѣ все страшное и отвратительное содержаніе своего подсознанія, и не только своего, а и коллективнаго подсознанія, посредствомъ художественной объективаци. Всѣ страсти, всѣ полонзвенія, онъ воплощалъ въ реальныхъ фигуры, надъ которыми смѣялся и издѣвался: «если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ моего, онъ бы точно содрогнулся». Въ художественной объективаци заключается великое освобожденіе души, великое продолженіе ея подсознательныхъ силъ. Гете это хорошо сознавалъ.

Гоголь переживалъ съ огромной силой трагическое противорѣчіе между великимъ художественнымъ гениемъ, который безошибочно объективируетъ красивое, ничтожное и смѣшное — и своей личной жизнью, съ ея слабостями, страстями и суетой, въ которую онъ «малодушно погруженъ». Это противорѣчіе всегда изумляло и будетъ изумлять со стороны, извнѣ, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто окружаетъ гениальнаго человѣка. Гениальные люди обыкновенно мало пріятны, часто невыносимы для близкихъ. Но никто, пожалуй, не переживалъ это противорѣчіе съ такою силою внутри самого себя, какъ Гоголь. Невыносимо видѣть въ себѣ и знать всю эту низость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слышать и пѣть «гимнь красотѣ небесной». И Гоголь рѣшилъ, что такъ быть не должно; онъ рѣшилъ преобразить свою душу, создать въ себѣ сильную героическую личность, которая соотвѣтствовала-бы размѣрамъ его генія, какъ бы имѣла право на этотъ гений. Ему казалось, что такой художникъ будетъ творить совсѣмъ иначе, сдѣлаетъ мертвыя души живыми, «будетъ удостоенъ пропѣть гимнь красотѣ небесной». Путемъ огромнаго подвига всей жизни, Гоголю несомнѣнно удалось перевернуть, обратить, преобразить свою душу. Тотъ же С. Т. Аксаковъ заявляетъ: «Я признаю Гоголя святымъ, это истинный мученикъ нашего времени, и въ то же время мученикъ христіанства». Гоголю удалось несомнѣнно личное спасеніе. Онъ не согласился остаться тѣмъ ничтожнымъ меліумомъ, который иногда обнѣняется гениальными прозрѣніями. Но остался другой принципиальный конфликтъ, который не разрѣшенъ ни въ жизни Гоголя, ни въ объективной философской сферѣ.

Это конфликтъ между пророчествомъ, моральнымъ учительствомъ и художественнымъ гениемъ. Онъ виситъ надъ всей русской литературой, но больше всего надъ русскимъ характеромъ, надъ душою русскаго писателя и художника. Какъ только Гоголь достигъ нѣкотораго самообладанія и моральнаго просвѣтленія въ своей религиозной аскезѣ, такъ онъ почувствовалъ жажду моральнаго учителя, жажду пророчества. И вотъ здѣсь возникъ новый конфликтъ.

моральная установка и пророческій пафосъ уничтожили художественную цѣнность творчества. Небесная красота не удавалась. Удавалась только красота земная, смѣхъ, юморъ, иронія. Пророчество, моральное учительство убивали искусство и сами были наивны и даже бездарны и оборачивались хлестаковщиной. Отъ этого конфликта Гоголь страдалъ сильноѣе, чѣмъ отъ перваго. И преодолѣть его никогда не смогъ. Отсюда — сожженіе «Мертвыхъ Душъ», въ первый разъ правильное, во второй разъ ошибочное. Въ одномъ великомъ прозрѣніи Гоголь все же понялъ, какъ это могло удасться и въ чемъ заключалось правильное для художественнаго гения рѣшеніе. Оно выражено въ письмѣ къ Жуковскому: «Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Мое дѣло говорить живыми образами, а не разсужденіями. Я долженъ выставить жизнь лицомъ, а не трактовать о жизни». Удалось же это во всей русской литературѣ только Достоевскому — въ этомъ его исключительное и ни съ кѣмъ не сравнимое достиженіе. Онъ соединялъ пророческій даръ съ художественнымъ гениемъ. Не удалось это Толстому, не удалось Тургеневу, не удалось Некрасову. Какъ справедливо указываетъ Мочульскій, Гоголь повернулъ русскую литературу на путь моральный, пророческій, религиозный. Мы должны добавить однако, что цѣлый рядъ неудачъ и срывовъ ждалъ ее на этомъ пути. Толстой повторилъ неудачу Гоголя и даже «хлестаковщину» Гоголя въ своемъ морально-пророческомъ пути. Разница только въ томъ, что Толстой не понялъ свою хлестаковщину и осудилъ свой художественный гений. А Гоголь совершилъ обратное: осудилъ свою моральную и пророческую позу, и черезъ это достигъ душевной святости, трагическаго величія при сохраненіи полного благоговѣнія къ своему чувству красоты, къ подлинности своего божественнаго глагола въ чистомъ искусствѣ.

Эти темы, представляющія огромный философскій и жизненно-психологическій интересъ, разработаны съ большой глубиной и съ большимъ эстетическимъ чутьемъ въ книгѣ Мочульскаго. Все вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней документально, основано на письмахъ и разсказахъ современниковъ. Дано совершенно новое освѣщеніе отношеній между Гоголемъ и о. Матафѣемъ. Никакого «мрачнаго аскетизма» ни съ той, ни съ другой стороны не было. Была внутренняя трагедія художника, которая продолжалась и послѣ Гоголя. Намъ кажется, однако, что утвержденіе В. В. Калаша, что въ Гоголѣ «моральнѣе и бить художника» все же цѣнно: оно хорошо выражаетъ центральный конфликтъ и объясняетъ первое сожженіе «Мертвыхъ Душъ»; что же касается втораго сожженія, то Мочульскій приводитъ такіе интересные отзывы лицъ, слышавшихъ послѣднюю редакцію втораго тома, что заставляетъ насъ совершенно пересмотрѣть обычно принятое мнѣніе о его неудачѣ.

Нужно отмѣтить, что «Заключеніе» книги написано съ исключительной силой и содержитъ въ себѣ большую философскую мысль: въ гениальномъ человѣкѣ дано «наивысшее напряженіе противоположностей, наибольшее раздвоеніе». По отзыву Аксакова, Гоголь «почти не человѣкъ» и съ другой стороны — «прямо святой». Если большая

одаренность, какъ всякій знаетъ, обычно соединена съ большою неуравновѣшенностью, то нужно помнить, что устойчивое равновѣсіе вообще есть неподвижность. А всякое движеніе и, слѣдовательно, творчество рождается изъ нарушеннаго равновѣсія.

Б. Вышеславцевъ.

В. Вересаевъ. Гоголь въ жизни. Систематическій сводъ подлинныхъ свидѣтельствъ современниковъ. «Академія». Москва-Ленинградъ. 1933.

Почти въ одно и то же время, въ Россіи и здѣсь, за границей, возникли попытки создать новый родъ биографіи. Пути ея достиженія однако намѣчаются весьма различныя. Насъ здѣсь обворожила «художественная биографія» Моруа. Одно время она была въ такой модѣ, что, садясь писать чью-либо биографію, нечего было думать объ иныхъ приемахъ. Въ Россіи реформу биографіи стремятся обосновать на совѣсть иныхъ началахъ. Здѣсь, ради «научности», пытаются совершенно отказаться отъ всякаго художественнаго творчества въ этой области, устранить совершенно всякій субъективизмъ и ограничиться подборомъ и печатаніемъ однихъ матеріаловъ. Въ модѣ — «монтажъ» биографіи, изъ видѣ подбора подлинныхъ отзывовъ современниковъ, отзывовъ, охватывающихъ всѣ возрасты жизни памѣннаго лица. Такимъ путемъ авторъ надѣется устранить опасный субъективизмъ оцѣнки и предоставить читателю самому сдѣлать ее на основаніи систематически разворочиваемыхъ передъ его глазами подлинныхъ матеріаловъ. Къ такимъ «монтажамъ» принадлежатъ и нѣкоторыя работы В. В. Вересаева (Смидовича), одна изъ которыхъ посвящена Гоголю и лежитъ передъ нами. Огромная книга (500 съ лишнимъ страницъ большаго «октаво», напечатанныхъ мелкимъ, но четкимъ, убористымъ шрифтомъ). Изданіе снабжено шестнадцатью иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ, прекрасно исполненными. Въ томъ числѣ шесть портретовъ Гоголя (нѣкоторые — весьма рѣдки) и 10 изображеній людей изъ близкаго окруженія знаменитаго писателя. Авторъ книги — извѣстный старый литераторъ, изъ прошлаго активѣ котораго много не лишенныхъ таланта самостоятельныхъ беллетристическихъ произведеній и рядъ философскихъ и историческихъ работъ, снѣзительствующихъ о иудумности и прилежаніи. Книга о Гоголѣ послѣла какъ-разъ во время — къ юбилею со дня рожденія, который сейчасъ вспоминается. Нельзя не радоваться появленію этой книги. «Научный» методъ созданія биографіи почти избавляетъ автора отъ необходимости проповѣдывать на ея страницахъ марксистскія идеи во вздорной и вѣчно измѣняющейся большевистской интерпретаціи. И хотя самъ Вересаевъ — марксистъ, но и ему, вѣроятно, лестно писать на свободѣ. Думаю даже, что столь облюбованный нынѣ «монтажъ» биографіи возникъ изъ нежеланія совѣтскихъ писателей путаться съ партійной цензурой и прельщаемыми въ теперешней Россіи къ литературѣ требованіями. Ибо самъ по себѣ новый методъ созданія биографіи не вызываетъ особыхъ восторговъ. Отда-